
ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

Н. Н. МОИСЕЕВ: ИДЕЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ РУССКОГО КОСМИСТА

Глушенкова Е. И.*

В статье рассмотрены политические идеи теоретика русского космизма и ноосферы академика Н. Н. Моисеева (1917–2000) в контексте цивилизационного дискурса и сквозь призму творческого наследия западных и отечественных теоретиков цивилизации. Показана связь теории цивилизации ученого с его философскими и эколого-политическими разработками. Также в работе поднимается тема цивилизационных особенностей России, цивилизационной самоидентификации стран на постсоветском пространстве, в том числе Украины.

Ключевые слова: русский космизм, ноосфера, ноосферогенез, коэволюция, бифуркация, Коллективный Интеллект, цивилизация, культурно-исторический тип, цивилизационный Вызов и Ответ, цивилизационная матрица, цивилизационный разлом, технотронная цивилизация, окружающая среда цивилизации, цивилизационное пространство.

The study focuses the political ideas of the Russian cosmist and noosphere theoretician Nikolay N. Moiseev (1917–2000) within the conceptual framework of civilizational discourse and creative legacy the Western and Russian civilizational thinkers. Moiseev's concept of civilization is analyzed in the context of his main philosophical and ecopolitical findings. The question of civilizational identification of Russia and post-Soviet countries (including Ukraine) is also highlighted.

Keywords: Russian cosmism, noosphere, noosphere genesis, coevolution, bifurcation, civilization, Collective intelligence, cultural historical type, civilizational challenge (response), civilization matrix, civilization clash, technological civilization, the Environment of civilization, the Space of civilization.

Выдающийся русский ученый, мыслитель, общественный деятель Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) получил мировую известность, доказав гипотезу наступления «ядерной зимы» в результате конфликта с применением атомного оружия. При этом он был философом природы, самобытным социальным и политическим мыслителем. В философских поисках Моисеев был последователем отечественных теоретиков ноосферы (прежде всего академика В. И. Вернадского) и русских космистов. Будучи в фарватере этих разработок, Моисеев стал автором

* Глушенкова Елена Ивановна – к. п. н., с. н. с. ЦПРМ ИМЭМО РАН, доцент МНЭПУ. E-mail: lenchen007@rambler.ru.

целого ряда эколого-политических, геополитических, а также цивилизационных концепций и теорий.

Как мыслитель Н. Н. Моисеев разделял главные идеи космистов. Как и Николай Федоров, он мыслил в категориях единства Вселенной и живущего в ней человека. Вселенная для него, как и для К. Э. Циолковского, – бесконечно сложный организм. Вместе с В. И. Вернадским он рассматривал Разум на космическом уровне, верил в то, что человеческий разум как космическое явление создан для постижения человеком самого себя. Строго говоря, Моисеев, теоретик ноосферы, – представитель направления русских космистов-естествоиспытателей. Мыслители этого крыла уповали сугубо на космическое предназначение человека: в существовании мира и человека есть высший смысл, человек в мире, в космосе – работник, а не созерцатель, он познает его и действует в нем; в ноосфере его разум воздействует на природную среду на качественно ином высоком уровне, становится не просто участником мирового процесса, но непосредственно – источником перемен. Моисеев, теоретик самоорганизующейся Вселенной, призывал менять мир продуманно, осознанно, не вмешиваться волюнтаристски, не вторгаться в самоорганизацию, менять, влияя, на что и нацелена теория *sustainability*, теория устойчивого развития в том виде, в каком он ее принимал. Но меняя мир, человек никогда не сможет управлять им, полностью контролируя все процессы. «Разум не способен сделать мировой процесс управляемым» [Моисеев 1999а: 271]. Он не способен подчинить его некоей схеме, плану и вполне предсказать: биосфера непрерывно меняется в условиях неопределенности. А существовать «независимо» от среды человечество не может. Следует помнить о принципиальной различии мысли Моисеева и позиции технооптимистов-корнукопианцев (английское *cornucopia* – «рог изобилия»), согласно которым человек может и должен преодолеть свою зависимость от природы. Моисеев признает неизбежным определяющее воздействие Разума на природу. Вопрос заключается в характере воздействия. Делать это осторожно (этого требует принцип предосторожности, *precautionary principle* в устойчивом развитии), не насилуя и не уничтожая, – лишь на этом пути возможно преодоление экологического кризиса¹.

Постулируя Вселенную как сложную систему, Н. Н. Моисеев видел ее как единый самоорганизующийся организм, описываемый его концепцией универсального эволюционизма. Вселенная существует по своим внутренним законам, ее самоорганизация противостоит энтропии. Все процессы развития в ней – составляющие единого мирового эволюционного процесса развития «*Суперсистемы Вселенная*», обладающей всеобщей взаимозависимостью. Развитие Универсума идет как бы «по лезвию бритвы». Чем сложнее система, тем более подстерегает ее опасность перестройки или разрушения [Его же 1991; 1993; 2002]. Но это не обычный эволюционизм. Эволюция, говоря языком синергетики, есть чередование порядка и хаоса, возникновения систем и их распада, так что вполне возможны и даже естественны и экологический кризис, и распад экосистем, и гибель человеческого рода. Но мыслитель исходил из того, что в любом случае человек

¹ Собственно, Н. Н. Моисеев сформулировал понятие «экологический императив», что означает «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступить ни при каких обстоятельствах» [Его же 2000: 78], а это фактически перефразированный принцип предосторожности в устойчивом развитии.

не должен погибнуть. Особенное значение придавал он в этом смысле антропному принципу. Как космисту Моисееву был присущ повышенный интерес к теме человеческого бессмертия.

Проблема космического предназначения человека вылилась у Моисеева в сверхпристальный интерес к его качеству. Моисеев довольно пессимистически, если сравнивать с другими теоретиками ноосферы, настроен относительно преобразовательной роли человека в мире, ее правомерности, направленности и успешности. То, что место человека в мире объективно центральное, для него очевидно. Человек может без вреда для природы воздействовать на нее. Но не каждый на это способен. Философия космизма сама по себе пронизана идеей **восхождения человека**. Итогом этого восхождения и является ноосфера. Разум, человеческая мысль рождают ноосферу как субстанцию, вызывающую к жизни воздействие человека на природную среду в абсолютно новом качестве, возникает новый уровень организации человечества в родовом единстве, де-факто – в союзе с окружающей его средой. Этот процесс работы Разума вместе с нарождающейся ноосферой называется *ноосферогенезом*. Новый виток эволюции человеческой организации – это и новый этап ноосферогенеза. При этом человечество – естественная составная часть Вселенной, но оно наделено, в отличие от Вселенной (по мнению Моисеева), Разумом и волей, огромными возможностями, ресурсами воздействия на окружающий мир. Они даны людям, чтобы обеспечить гармоничное развитие человека в его среде, переведя нашу конфронтацию со средой в содружество, **коэволюцию**, соразвитие, когда природа и общество достигнут квазиравновесия [Моисеев 1993; 1997; 2009]. Прежде воздействия на среду имели бессистемный, неупорядоченный характер, теперь действия людей превратились в осознанные, согласованные, нацеленные на выживание. Моисеев не хотел сказать, что к этому стремятся, это имеет место объективно, за счет работы возникшего как продукт ноосферогенеза *Коллективного Разума (Интеллекта)*, который формируется в мировом пространстве силами мыслящей субстанции ноосферы стихийно и не должен отождествляться с каким-либо органом или центром власти, или тайной организацией, к которой якобы сходятся все нити мирового процесса².

В пульсирующей мысли ноосфере, как в мозге нейроны, находятся отдельные люди и их сознания. Но люди-нейроны – не всякий и не любой. Моисеевский человек ноосферы вырывается из плена «объективных законов», подключается к Разуму и решению его сверхзадач. Активный в политике человек объективно носитель общепланетарного Разума и движущая сила политических реформ, главная цель которых – выживание человечества и сохранение Планеты людей. И при этом Моисеев, обличитель торгово-промышленного уклада общества потребления, жестко критиковал современного нам человека. Его породил определенный образ жизни и ведения хозяйства, который навязывает Запад в качестве версии глобализации. Именно он есть виновник экологического кризиса. Ученый связывает этот человеческий уклад с западной цивилизацией.

Тема цивилизации образовалась на закате жизненного и творческого пути Моисеева. (Когда Моисеев проявил себя как политический мыслитель, главные

² Коллективный Интеллект для ученого есть системное свойство совокупности индивидов и индивидуальных разумов людей, способных обмениваться информацией, формировать некое общее миропонимание, совокупную коллективную память и совместно выработать коллективные решения [Моисеев 1999а].

его философские работы уже были написаны.) У ученого она раскрывается в контексте его геополитических изысканий. С самого начала интерес к цивилизационному анализу подогревался у него размышлениями о судьбах России. Моисеев никогда не ставил перед собой задачи создания общей теории цивилизации, тем более его наработки представляются весьма любопытными. Ведь они – логичное продолжение его космической философии.

В обыденной речи цивилизацией обозначают современную стадию развития человечества, отличную от древнего общества. Классические определения цивилизации описывают ее как определенную ступень развития народов и мира в целом, наличное состояние социальной структуры и духовного мира. А еще это род или исторический тип сообществ, вызывающий конкретные ассоциации в области религии, истории, нравов, иначе говоря, в области культуры. Именно их А. Тойнби называл цивилизациями, Н. Я. Данилевский – культурно-историческими типами, О. Шпенглер – развитыми культурами, а П. Сорокин – метакультурами. Для Тойнби цивилизация есть достигшая пределов самоидентификации культура и наименьший блок исторического материала, к которому мы обращаемся в ходе изучения данной страны. Для Шпенглера цивилизация (культура) – в основном внутренний строй народа, Тойнби же дал мистическое прочтение цивилизации как социального организма, соприкасающегося с высшей реальностью, а не просто общественной системы, имеющей какую-то религию. Данилевский, Тойнби, С. Хантингтон полагали религию основой цивилизации. Тойнби описывал религии как создающие предпосылки для выживания во времени, для преодоления трудностей бытия. Цивилизация дает удовлетворяющие реальности ответы на вызовы со стороны окружающей среды, опираясь именно на религию, лежащую в основе ее цивилизационного ядра³. Религия создает мировидение, раскрывая тайны Мироздания, что при адаптации к среде принципиально: чтобы в реальности жить, бороться и побеждать, надо сначала ее, эту реальность, понять.

У Н. Н. Моисеева цивилизация есть нечто иное. «Цивилизацией... мы условимся называть всю совокупность форм существования человека на Земле, всю совокупность его активной деятельности и главное – его духовного мира, его взаимоотношений с природой и другими людьми» [Моисеев 1999б: 41]. Для мыслителя в центре его анализа – осуществляемая посредством техносферы модель адаптации данной цивилизации к окружающей ее природной среде. Разнообразие цивилизационных типов рождается, когда на неолитическом этапе антропогенеза отдельные человеческие общества приспосабливаются каждое по-своему к окружающей их среде. Цивилизация немедленно фиксирует свою исключительность, которая сохранится неизменной, пока цивилизация живет. Модели адаптации цивилизаций к окружающей среде совершенно не тождественны, и у каждой они свои. Одни – экспансионистские, другие – экологически дружелюбные, экологически нейтральные. В планетарном масштабе преобладает та модель адаптации, которая характерна доминирующей цивилизации, а цивилизация сегодня преобладает западная. Это цивилизация адаптации через уничтожение окружающей ее

³ Цивилизация для Тойнби есть целое, которое подвергается с остальными «одним и тем же вызовом», но «каждая отвечает на них по-разному» [Тойнби 2006: 391].

среды. Русская же цивилизация имеет не экспансионистскую модель адаптации. Это модель самоадаптации к окружающей среде.

В конечном счете для Моисеева цивилизация есть достигнутая самоорганизацией человечества на данном этапе антропогенеза модель (модели) адаптации со своей версией экономики, своей системой мысли и человеческих отношений; но ноосфера подводит общую черту под множество цивилизационных миров. Моисеев строил цивилизационные теории, не упуская из вида общий процесс мирового развития: зародившись, достигнув в рамках своей формы адаптации вершины, затем, растеряв свой адаптационный потенциал, цивилизации уходят, а процесс социальной формы движения материи идет по своим системным закономерностям. Цивилизации возникли с переходом человека на рельсы общественного развития, в основе которого уже не биологическое совершенствование, а прогресс в организации общества, в ходе которого антропогенез сменяется ноосферогенезом. Локальная цивилизация – часть общепланетарного процесса развития самоорганизации социума. Разнообразие цивилизаций – великое благо для человечества, это проявление принципа дивергенции в процессе эволюции и природный информационный банк. Но Моисеев отверг общепланетарную цивилизацию, в которую разными путями сольются якобы все мировые культуры. Цивилизация планетарная состоит из совокупности локальных, но из этого не вытекает, что развивается или разовьется единая цивилизация, несмотря на технологическую общность, объединяющую сейчас человечество. (Хотя, говоря об усложнении цивилизаций, он писал обо всей их совокупности, рассматривая их как некую общность.) Из эволюции цивилизационных типов, их – как бы – сближения в условиях глобализации не произойдет их единства. Любая из мировых культур может достичь упадка и исчезнуть, но общемировая цивилизация на ее руинах не возникнет. Различия между цивилизациями непреодолимы. «Я не верю в возможность и считаю крайне опасным стремление к мировому правительству и к унификации цивилизации. Единая мировая цивилизация – это такой же нонсенс, как и генетически стандартный человек» [Моисеев 1998: 470].

Цивилизация – форма существования человеческих сообществ в определенной, «их», окружающей среде, возникшая стихийно, путем самоорганизации. Частью этого процесса и версией самоорганизации является для Моисеева рынок. «Самоорганизация общества – это непрерывное рождение новых организмов, имеющих собственные цели и собственную волю, и возможность их следованию, как объединение (кооперацию, взаимопомощь – здесь уместны любые термины) организмов в более сложные структуры и как их непрерывная борьба, поскольку спектры интересов этих организмов, как правило, не совпадают, хотя далеко не всегда антагонистичны. Вот это и есть тот рынок, действие которого определяет людские судьбы» [Его же 1996: 49]. Рынок Моисеева – принцип бытия и предельно широкое понятие, с конкретно-историческими формами рыночных отношений его отождествлять не следует. Цивилизация есть культура, технологии, образ мышления и этап антропогенеза, в рамках которого человек перешел на рельсы развития, а в основе его – усложнение самоорганизации рынка как возрастание организации общества. Единая цивилизация невозможна для Моисеева, ведь он не представляет, как в ходе динамики самоорганизации на основе принципа рынка может получиться всего одна цивилизация. Среда (природная прежде всего) у всех разная.

Итак, Н. Н. Моисеев дал свое, нестандартное определение цивилизации. «Употребляя слово “цивилизация”, я буду иметь в виду некоторую общность людей, характеризуемую определенным набором ценностей (в том числе и технологиями, и навыками), системой общих запретов, похожестью (но не тождественностью) духовных миров» [Моисеев 1995: 7]. Моисеев, как видим, не рассматривал цивилизацию и культуру в качестве синонимов. Для него культура сама по себе была не смыслом и сутью цивилизации, а видом взаимодействия людей со средой, рождавшим уникальный способ мышления и «технологические» основы жизни. Для Тойнби цивилизации живут и умирают для того, чтобы вызвать к жизни новые, более развитые формы не просто жизни, а религиозной жизни. У Моисеева все наоборот. Религия не выбирает цивилизацию, это «цивилизация выбирает религию “по себе”», «подбирает» под мироощущение, которым обладает [Его же 2000а: 17]. Религия, каковую она примет, будет ей преобразована в целях приведения в соответствие с ее цивилизационной матрицей, а она детерминируется неповторимой моделью ее адаптации. Если две разные цивилизации принимают одну и ту же религию, скоро это уже будут религии разные (и наоборот). Для Моисеева цивилизации – вся полнота форм существования земного человека, в том числе материальных форм, а духовная жизнь, отношения с миром людей, с Природой – уровни осмысления человеческим сознанием цивилизационной сущности. Признавая в цивилизации материальное и духовное, ученый имел в виду, что в любом случае способ адаптации формирует не идея, а реальный жизненный опыт.

Хотя ученый не верил в единую цивилизацию в будущем, он, как и Тойнби, усматривал изначальное внутреннее единство всех цивилизаций Человечества, различия которых вызваны неповторимостью жизненного пути каждой. Но у Тойнби процесс жизни всех цивилизаций – борьба, в ходе которой идет взаимодействие между вызовами и творческим меньшинством, дающим на них ответ, с одной стороны, и постоянное протиборство между ним и косной массой, которая этому не способствует, а лишь мешает – с другой. А у Моисеева – инновация, прорыв, перелом есть результат действия больших коллективов людей, результат творчества масс. По большому счету, для Моисеева ответ на любой вызов дается всем данным человеческим сообществом, а не какой-то его частью. Скажем, условием ноосферогенеза он видит единое консолидированное действие мирового сообщества и общепланетарный консенсус, в «ответ» на экологический кризис у Моисеева вовлечены широкие массы, фактически все глобальное сообщество [Тойнби 2006; Моисеев 1995]. Но не все так просто и у Моисеева. У него тоже есть своя идея творческого меньшинства. Для него личностью, которая движет историей, является мыслитель, в России – русский интеллигент, индивидуальное сознание которого есть часть ноосферы. Но он не преувеличивал роль интеллектуалов. Передать им бразды правления опасно! «Беда, когда страной или войском управляют, а еще страшнее – командуют, ученые», – предупреждает он и добавляет: но трагически опасно, просто недопустимо, если рядом с политиками нет людей науки, и политические решения принимаются «с закрытыми глазами» [Моисеев 1996: 53].

Цивилизации Моисеев делил на традиционные и техногенные (технотронные). Здесь идет речь не об одних только восприимчивости, способности к инновациям, открытиям, к созданию (развитию) науки, но и о возможности вместить в себя инородную, чуждую цивилизационную матрицу (ядро), «переварить» ее

и самим не погибнуть. Для этого цивилизация должна быть обязательно распахнута вовне, открыта. Россия и Запад – техногенные цивилизации, остальные – традиционные. У Запада это проявляется в развитии вширь, количественном, а не качественном росте, активности, направленной из системы в среду, вовне, стремлении к экстенсивному расширению. А оно связано с агрессивным навязыванием своих ценностей, самими их носителями воспринимаемым как что-то вполне естественное, а неприятие, отторжение этого навязывания понимается как враждебность. У человека Запада вызывает искреннее удивление и шокирует, что «то, что для Запада – универсализм, для остальных – империализм» [Хантингтон 2003: 282]⁴. Запад – это цивилизационная исключительность, он техногенен, индивидуалистичен. Вот где корни экологически враждебного поведения общества Запада! Наша цивилизация техногенна и традиционна, коллективна и индивидуалистична одновременно, а главное – толерантна, лишена системной исключительности. А еще она не симбиоз Запада и Востока, а нечто совершенно самостоятельное. Но об этом речь впереди.

Признавая непреходящее значение цивилизаций для человечества, Моисеев был не склонен придавать им гипертрофированное значение. Все для него было подчинено одному – задаче выживания планеты, ее обитателей. Как неизбежен для Моисеева путь генезиса, развития и распада цивилизаций, так мучителен и вечен поиск лучшей экологической ниши, лучшей модели адаптации к среде – человеком, обществом, цивилизацией, которая есть тоже способ ведения этого поиска, как нет цивилизации самой совершенной и исключительной.

Ученый не сомневался в существовании русской цивилизации, которую он так и предпочитал называть. (Советское общество для него – разновидность русской цивилизации, но видоизмененная, деформированная.) Ему импонировало, что писал Н. Я. Данилевский о русской цивилизации. (Николай Яковлевич описал ее как культурный тип, который отличает **отсутствие** в нем **насильственности**, доминирование общественного над индивидуальным, **близость к природе**, гармония, единство разума и чувств в человеке [Данилевский 1995].) Но для него было неприемлемо, когда о русской цивилизации говорят как о чем-то совершенно уникальном за счет неких характеристик народа. Каждый народ исключителен, в том числе и русский, и нет общепланетарного стандарта человеческой жизнедеятельности. Это иллюзия, что «русский народ обладает-де особым менталитетом, существует особая русская идея, и он, русский народ, опираясь на нее, сам по себе найдет выход из смутного времени» [Моисеев 1996: 56]. Не стоит русским мучительно искать себе союзников среди ближних и дальних или пытаться самоизолироваться, уповать на «особый» путь, а не действовать на основе общих закономерностей. Ученый настаивал: необходимо искать свою тропу в мировом движении, не отрицая общих системных закономерностей мирового процесса. Но обрести тропу можно, лишь поняв суть особенностей своей цивилизации.

Всех людей русского мира объединила окружающая среда формирования русской цивилизации, общее пространство. Ведь первична среда, и у России она своя. Наша природная зона – это суровый климат и очень короткий вегетационный период. Это бескрайние равнины, дающие иное ощущение пространства. Европейские народы живут скученно, поэтому жилища европейцев стремятся рас-

⁴ Цитата С. Хантингтона по В. А. Кутыреву [2009: 100].

положиться как можно дальше друг от друга, охватывая всю доступную им ойкумену. Народы русского мира расположены в подавляюще огромном пространстве, поэтому поселения, отдельные дома скорее жмутся друг к другу, оставляя гигантские просторы вокруг себя нетронутыми. Это «русское» чувство пространства для Моисеева есть не только и не столько природно-климатическая среда и не столько социальная среда, сколько **пространство бытия** русских. Оно порождает пространство их сознания и тот неповторимый менталитет, широту взглядов, структуру ценностей, которая заложена в нашем цивилизационном ядре. Два славянских православных народа (русские и болгары, скажем) вполне могут принадлежать к разным цивилизациям, потому что формировались они в разной окружающей среде. Присущие некоторым в России попытки делать ставку на православность (или этничность) в геополитике обречены. Моисеев видел, что границы нашего культурно-исторического типа неоправданно расширяют, хотя ряд славянских народов явно за пределами нашей цивилизации. «Ряд славянских племен еще в начале нынешнего тысячелетия принял католицизм, но до сих пор не... вошли в Европу. Страны, которые возникли на их основе, ...остались частью маргинального пространства, лежащего между двумя цивилизациями <...> что же касается поляков, западных украинцев, чехов и других католических народов славянского корня, то они остались частью промежуточного пространства между двумя цивилизациями, которых “настоящий” Запад рассматривал скорее как районы своих ленных владений или предмет торга с Россией и Турцией, чем как свою естественную составляющую. Тем не менее, после принятия католицизма (или унии, с подчинением римскому Папе, как в Западной Украине) страны, теряя постепенно свою славянскую идентичность и самобытность, всегда тянулись к Западу и стремились сделать частью Европейского полуострова» [Моисеев 1995: 14]. Стремиться стремились, но таковыми не стали. Или стали, но не все. На сегодня очевидно, что по территории Украины проходит линия **цивилизационного разлома**⁵. В этих условиях, добавим от себя, мирное урегулирование на Украине и наряду с этим сохранение целостного украинского государства в его нынешних границах, думается, весьма маловероятно. Русским надо идти на контакты с иными народами исходя из единства общей судьбы и формирования в общем пространстве; для России сегодня, размышляет ученый, потенциальными союзниками скорее будут народы ислама – внутри России, за ее пределами, на постсоветском пространстве. По вере они могут быть мусульмане, культурно-исторически они принадлежат, хотя бы отчасти, нашей, русской цивилизации.

Н. Н. Моисеев не слишком высоко ценил русскую идею, но он и не рассматривал ее как государственно-центричную, имперскую. Для Моисеева русская идея так же связана с пространством! Мировые геополитические разработки всегда велись в том русле, как народ выживает без пространства. А в России, отмечает ученый, мы наблюдаем обратное – пространство без народа. В условиях огромных малонаселенных пространств формировалась безбрежная русская душа. При этом русские, несомненно, осознанно исторически избегали тесноты, близости к густонаселенным территориям. Русскому народу всегда было характерно движение на Восток (что особенно бросается в глаза на фоне постоянного стремления наших элит на Запад). Запад в традиционном сознании русского – кабала, Во-

⁵ О цивилизационных разломах у Н. Н. Моисеева см. в работе А. М. Поморцевой [2003].

сток – свобода, туда вел русских их пассионарный порыв. (В этом смысле «войти в Европу» для Моисеева – лозунг-бессмыслица, нелепость.) Этот порыв всегда идеациональный (термин П. Сорокина, речь здесь идет о любой системе верований, но в центре должна быть сакральная составляющая): русская цивилизация имеет трансцендентные ценности в глубинах ее цивилизационной матрицы. Ею даются ответы, нацеленные на выживание, всегда духовные по своей сути. Русские – великая идеациональная цивилизация⁶.

Моисеев принципиально настаивал на том, что Россия – цельная самостоятельная цивилизация, которая не может быть частью чего-то еще, но сама может включать в себя новые элементы. Количество народов и религий для нее не имеет значения. Наша цивилизация полиэтнична и многорелигиозна. Мнение, что это разорванная цивилизация, сотканная из множества разных чужеродных, неродственных ей, неверно. Многонациональный состав и даже соседство разных религий – родовая характеристика русской цивилизации, заложенная в ней, стимулирующая ее техногенность. Целостная цивилизация России соткана из множества культур, но это не разрывает ее ткань: «Россия – целостная самостоятельная цивилизация. ...целостная, несмотря на различия этнического происхождения многих народов... Россия – симбиоз народов, синтез различных культур, сплав, родивший общее миропредставление и общий образ жизни» [Моисеев 2000б: 6]. В этом ее специфика, уникальная черта, она залог ее целостности. Цивилизации не способны взаимоприспосабливаться из-за априори напряженных отношений между данной культурой-системой и ее средой. Если для кого-то другая культура – всегда вызов, а значит, надо защищаться, то русская цивилизация предельно терпима к любым иным цивилизационным проявлениям, распахнута навстречу другим, потому что **не имеет напряженных контактов с окружающей ее средой**. Будучи нейтральной в плане взаимодействия со средой, она самосохраняется, адаптируясь, перерабатывая, сберегая, приспособляясь сама. Западный мир этого о себе сказать бы не смог. Вот где истоки экологического кризиса, в котором виновно не все человечество, а организация его жизни, заданная западным цивилизационным ядром.

Еще Данилевский писал о невозможности «встраивания» одной цивилизации в другую («начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [Данилевский 2002: 77]). И это особенно верно для Запада, который ни во что встроиться не может, поэтому делает безуспешные попытки встроить в себя, поглотить иные цивилизационные пространства. А вот Россия здесь скорее исключение из правил. Русские – не только цивилизация на стыке двух субконтинентов, но и нация двух океанов. Она «держит» евразийское пространство, скрепляет его собой. Именно это определяет отечественную культуру, задает ощущение пространства, формирует менталитет, широту взглядов, рождает систему ценностей. И это структура взглядов мирного народа, который воюет немного, а многого добивается миром и добрососедством. Россия, думает Моисеев, – это ключ к мировому порядку. Она задает мировую стабильность. «Определяющее значение играла еще одна из наших цивилизационных особенно-

⁶ Эти ответы есть гарантия грядущего глобального лидерства России, для которого от русских не требуются какие-то особые усилия в политике и экономике – такова логика самоорганизующегося глобального мира, ищущего пути выхода из экологического тупика. Подробнее о русской цивилизации у Моисеева и ее характере сказано в работе «Экополитология Моисеева...» [Глушенкова 2015].

стей – способность сосуществовать с другими цивилизациями, мирно и сообща жить с другими народами и формировать общую цивилизацию. ...русское общество легко включало в себя представителей национальных меньшинств, причем даже в высшие свои эшелоны» [Моисеев 2000б: 9]. Россия есть ворота Запада на Восток и Востока на Запад, она связывает, открывает пути, включает разнородные ценности в единую систему, объединяет цивилизации, в рамках своего пространства обеспечивает их синтез. Пространственное положение России, по Моисееву, таково, что развитие русской цивилизации никому не угрожает, притом что чуждые цивилизации неопасны и для самой России.

Для Н. Н. Моисеева, теоретика самоорганизации, невозможно пытаться встроить Россию в иные цивилизационные общности. Россия абсолютно самобытна, самостоятельна и сама примет в себя все, что ей надо. Встраивать Россию во что-то иное искусственно можно лишь через потерю ее идентичности. На ученых-обществоведах, считал Моисеев, лежит в этом смысле огромная ответственность: «Наша будущность связана с осознанием нашей собственной российской цивилизации и как самоценности, и как ценности планетарной» [Там же: 10]. Всем следует осознать: от этого зависят судьбы мира, а не только России. Если глобальным лидером, страной – центром мир-системы станет Россия, носительница нейтрального по отношению к среде, даже экологически дружественного, культурно-исторического типа, выход за пределы экологического кризиса возможен и вполне реален.

Но Россия (для Моисеева) обречена на то, чтобы непрерывно поддерживать свою цивилизационную идентичность, каковая – в специфике ее техногенности, достигаемой за счет *особого характера восприятия русскими знаний*. Носителей любого цивилизационного ядра, особенно русского, он называл «Мастерами»: на их эрудиции, творческой мысли держится цивилизация русского мира. Если они уйдут, не оставив учеников, исчезнет и Россия как культурно-исторический тип. Для Моисеева тайна русской цивилизации – в личностях ее носителей, людей мысли, работающих со знанием. В эпоху ноосферогенеза формируется Коллективный Интеллект – интеллект свободно мыслящих людей, идущих к единству (соборности) как к единому согласию. Согласие – это не есть сумма личностных волей, оно – в поиске всеобщего спасения от экоцида. Носители индивидуальных разумов, те, кто составил Коллективный Интеллект, по Моисееву, находятся прежде всего в России. «Мастера» в Эру Риска призваны сыграть основополагающую роль вместе с русской цивилизацией в целом. Моисеев считал преодоление экологического кризиса возможным не за счет реформ экономики и политики, а за счет нравственно окрашенного волевого и интеллектуального сверхусилия «Мастеров». Сохранение русской цивилизационной матрицы – это прежде всего сохранение тончайшего слоя интеллектуалов, ответственность которых, в свою очередь, состоит в поддержании системы образования, способного этих «Мастеров» породить [Степанов 2013]. Моисеев верил, что русская цивилизация, как и планетарная, не может, не должна погибнуть.

Размышляя о наследии Н. Н. Моисеева, вновь подчеркнем приоритетность для него материальных, природных, естественных факторов цивилизации. Другие искали смыслы внутри социосистемы: в религии, культуре, ценностях. Моисеев учил о детерминированности цивилизации со стороны окружающей среды – и социальной, и природной, в их единстве. Скорее всего, он говорил не о среде, а о пространстве, космосе русского мира, пространственно-временном континууме,

который он образует, который способен втянуть, переварить и вписать в свое цивилизационное ядро любой этнос, религию и т. д.

Идея цивилизации Моисеева оставляет больше вопросов, чем ответов. «Если русская цивилизация экологически дружелюбна, тогда почему она уничтожала природные комплексы России на протяжении десятилетий советской власти?» – лишь один из них. (Или это была не она, а цивилизация-химера, что внедрилась в нее и принялась разрушать изнутри?) В целом слабой стороной работ всех теоретиков ноосферы и устойчивого развития считается утопический или сциентистски-утопический их характер. (См. работы В. А. Кутырева, а также Б. М. Миркина [2005], Д. В. Ефременко [2006] и ряда других.) Обращаем внимание, что Моисеев всегда исходил из того, что в ноосфере и устойчивом развитии людям предстоит управлять «не природой, а самими собой» [Реймерс 1992: 340], он категорически отвергал, как уже говорилось, автотрофность цивилизации, и технооптимизм был ему чужд. В цивилизационном анализе он предельно прагматичен и материалистичен, стараясь, возможно, снять все недоуменные вопросы, но как только он выходил в цивилизационном анализе на общефилософские смыслы и обобщения с применением «ноосферной» лексики (Коллективный Интеллект и другое), они возникали снова.

Нельзя переоценить значение системно-средового подхода в анализе Моисеевым цивилизаций. Применяя его, он призывал оценивать импульсы из окружающей среды относительно некой смысловой культурной схемы, которая у данной цивилизации в ее ядре, а в случае с Россией – интерпретировать их относительно высших, сакральных смыслов и народного духовного опыта, на данный момент образующего неповторимую целостность смыслов.

И в этом его сильная сторона. Он обрисовал контуры теории цивилизации и тут же показывал, насколько цивилизации различны, противопоставляя западное общество и русский мир, их способы реагирования на глобальные кризисные явления. Моисеев был не в состоянии создать ни общей теории цивилизации, ни законченной концепции русской цивилизации, своими наработками он лишь открыл дискуссию. На страницах его работ неизменно звучит мысль: понимание глубинных особенностей нашего народа есть ключ к его завтрашнему дню. Тогда мы выживем сами и поможем выжить остальному миру.

Конечно, то, что русская цивилизация, оказавшись во главе мирового процесса, в силу ее специфики и мощи ума ее носителей способна вывести мир из экологического кризиса, – это лишь его интуиция. А каковы здесь объективные доказательства? Думается, в некотором роде доказательством является сам Никита Николаевич, хранитель цивилизационных смыслов, Мастер, русский интеллигент, солдат Второй мировой, гражданин и настоящий патриот России.

Литература

Глушенкова Е. И. Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России. М. : МНЭПУ, 2015.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Древнее и современное, 2002.

Ефременко Д. В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. М. : ИНИОН РАН, 2006.

Кутырев В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–102.

Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Курс лекций по устойчивому развитию. М. : Тайдекс, 2005.

Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.

Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму. М. : МНЭПУ, 1993.

Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

Моисеев Н. Н. Агония России. Есть ли у нее будущее? М. : Экспресс, 1996.

Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М. : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.

Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М. : Аграф, 1998.

Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству. М. : МНЭПУ, 1999а.

Моисеев Н. Н. Размышления о современной политологии. М. : МНЭПУ, 1999б.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : МНЭПУ, 2000а.

Моисеев Н. Н. Русский вопрос // Русская цивилизация: сб. ст. М. : Контакт, 2000б.

Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня. М. : МНЭПУ, 2002.

Моисеев Н. Н. О необходимых чертах цивилизации будущего. М. : МНЭПУ, 2009.

Моисеев Н. Н., Львов Д. С., Петров А. А., Питерский В. М. Укрепление российской государственности: экономика, ресурсы, геополитика. М. : Геоинформмарк, 2000.

Поморцева А. М. Гносеологический статус человека в цивилизационных разломах: философско-культурологический аспект: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2003.

Реймерс Н. Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М. : Россия молодая, 1992.

Степанов С. А. Н. Н. Моисеев о судьбах российской интеллигенции // Век глобализации. 2013. № 1. С. 167–171.

Тойнби А. Дж. Исследование истории: в 3 т. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск : Наука, 1993.